

Д. М. НАСИЛОВ

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ (ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИЕ И
ДРЕВНЕУЙГУРСКИЕ) В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

(ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ 1969—1974 гг.)

В «Тюркологическом сборнике 1970»¹, составленном по материалам I Тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1967 г.), подводятся итоги исследований по основным направлениям отечественной тюркологии за предшествовавшие пятьдесят лет ее развития, в том числе и в области изучения древнейших тюркских письменных памятников — орхоно-енисейских и уйгурских. Последующий период характеризуется углубленным вниманием советских языковедов к древнетюркской проблематике. Заметно увеличился не только объем публикаций по этой тематике, но, что особенно примечательно, расширился и круг обсуждаемых проблем. Следует отметить, что в последнее время в научный обиход вводится и активно исследуется — прежде всего лингвистически — значительное число новых тюркских письменных памятников, относящихся к разным эпохам, и на этой базе появляются обобщающие работы по исторической грамматике и лексикологии отдельных тюркских языков². Все это, несомненно, способствует дальнейшему изучению грамматического строя тюркских языков в плане их исторического развития и в конечном счете — созданию сравнительно-исторической грамматики, по общему признанию, одной из насущных задач тюркологической науки. Письменные памятники служат, несомненно, «... главным материалом для исследования истории языка...»³. Вот почему нельзя не согласиться с тем, что «успехи и достижения в исторических и сравнительно-исторических изысканиях... теснейшим образом связаны с подготовкой и изданием описаний (по строго разработанной схеме) фонетического и грамматического строя тюркоязычных памятников рунического, уйгурского, арабского письма, а также транскрипционных текстов»⁴. Особое место среди других памятников принадлежит древнеуйгурским текстам, а также орхоно-енисейским надписям. Эти довольно значительные по объему связные автохтонные тексты дают представление о грамматике и лексике тюркских диалектов VII—XI вв., нашедших отображение в своеобразно обработанной эпитафийной форме, которую, возможно, следует рассматривать в качестве языка-койне, обслуживавшего ряд тюркских племен. Благодаря именно этим качествам данные памятники представляют необычайную ценность для истории языка. Поэтому достоверность вводимых в обиход языковых фактов, безупречность их интерпретации и строго аргументированное привлечение для сравнительно-исторических построений приобретает исключительную важность. В связи с отмеченным выше ростом интереса к исследованию древнетюрк-

ских памятников правомерно подвести некоторые итоги проделанной в этой области работы.

Прежде всего следует отметить, что число известных рунических памятников постоянно пополняется новыми находками, содержащими свежий для науки языковой материал, а также дополнительные сведения по древней истории народов Центральной Азии, Южной Сибири и других районов. Расширяется география находок рунических и руноподобных надписей, оставленных тюркоязычными народами. Таким образом, восемьдесят с лишним лет, минувшие после первой дешифровки рунической письменности (1893 г.), ознаменованы не только углубленным исследованием ранее открытых памятников, но и непрекращающимися поисками новых, интересными открытиями и находками, их непрерывным активным освоением, что, естественно, в свою очередь выдвигает новые проблемы перед рунологией⁵.

По-прежнему основными районами наиболее значительных находок рунических надписей остаются бассейн р. Енисей (Тува и Хакасия) и Монголия — старейшие центры древнетюркской государственности.

К 1970 г., например, усилиями одной лишь Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР (СТЭАН) на территории Тувинской АССР было обнаружено восемь неизвестных ранее надписей⁶, расшифровкой которых вместе с тувинскими учеными занимались также И. А. Батманов (1906—1969)⁷ и С. Г. Кляшторный.

Летом 1970 г. один из отрядов СТЭАН обнаружил в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР, в долине реки Демир-Суг, притока Улуг-Хема, стелу с тремя строками рунических знаков (10, 30 и 20 и тамга)⁸. Содержание надписи трафаретно, и она в этом смысле не выделяется среди прочих енисейских эпитафий VIII—XII вв. Более интересна тамга на стеле, поскольку она по начертанию совпадает с таковой на пятом Чаа-Хольском памятнике.

В 1970—1973 гг. ряд надписей был обнаружен в Саянском каньоне Енисея, где за это время найдено семь стел или фрагментов стел, три наскальные надписи, не говоря уже о многочисленных петроглифах древнетюркской эпохи⁹. Эти надписи, которые можно датировать IX—X вв., объединяются в одну группу на основании совпадения тамг, что говорит об их принадлежности к единой родо-племенной группировке древних кыргызов, проникавших в каньон из степной долины Енисея.

В 18 км от начала каньона, у впадения р. Хемчик в Енисей, на скалах Хемчик-Боома найдены тюркские тамги, и среди них два рунических знака, которые читаются как *qut* 'душа, счастье, благодать'¹⁰. В указанных работах сообщается еще о двух находках в этом районе. Почти на самом берегу Енисея обнаружены два обломка одной стелы, на которой имеется фрагментарная надпись из трех строк (сохранилось около девяносто рунических знаков). Судя по тамге, стелу можно датировать IX—X вв. Здесь же найден фрагмент еще одной стелы с остатками трехстрочной надписи. Видимо, дальнейшее исследование Саянского каньона весьма перспективно¹¹, поскольку многие обнаруженные здесь находки, частью еще не опубликованные, проливают свет на древнюю историю этих мест¹².

В 6 км от устья р. Хемчик, недалеко от минерального источника Йир-Сайыр, на двух стелах из бурого песчаника сохранились остатки рунических надписей¹³. На первой из них видна тамга и один знак *g²—eg* 'муж, мужчина'. На второй стеле с южной стороны просматриваются две строки, в которых можно выделить около сорока рун, а в двух